

Вас люблю

Геннадий ГЛАДКОВ – композитор со счастливой судьбой. Его музыка – от «Бременских музыкантов» и «Собаки на сене» до «Дульсиней Тобосской» и «Человека с бульвара Капуцинов» – помнят все. А кто не смотрел эти фильмы раз по восемь? Песенки Гладкова пели самые любимые народом актеры – Андрей Миронов, Михаил Боярский, Николай Караченцов. Наверное, его любили и любят потому, что Гладков – композитор совершенно советский, хотя большинство его знаменитых вещей создано в 70-е годы. Недавно Гладков вместе с Юлием Кимом написал сентиментальный водеvil по двум одноактным пьесам Островского, объединенным темой неудачного сватовства. Однако личный опыт у него был прямо противоположным.

Мы из джаза

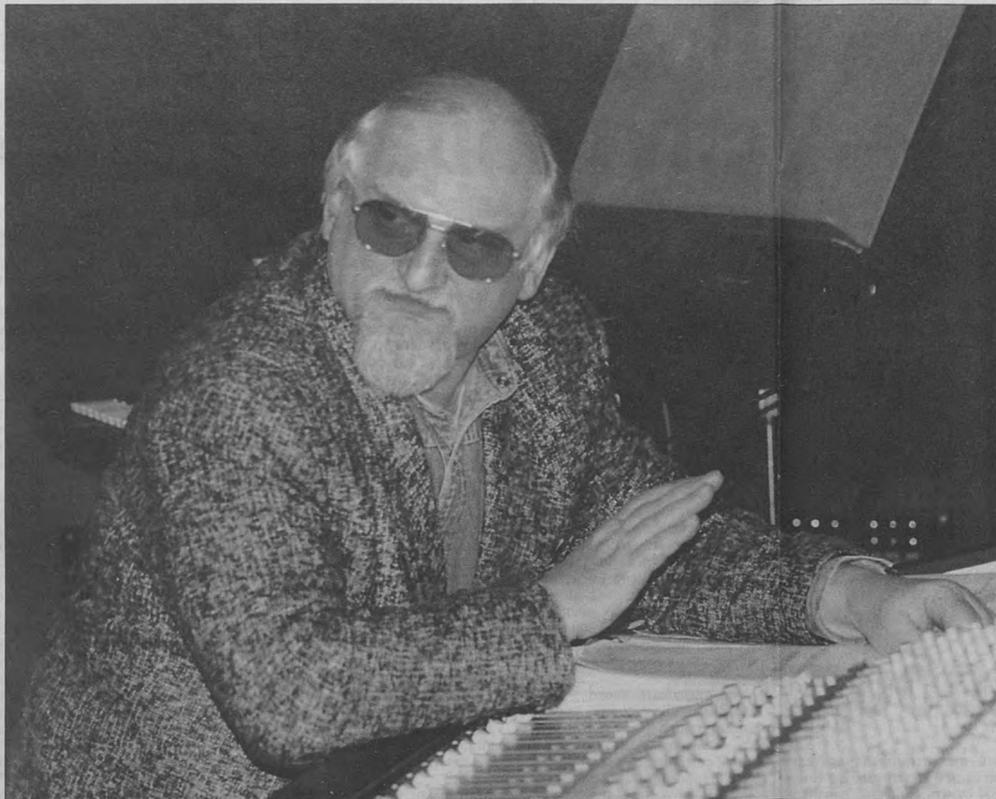
МОЙ ДЕД Степан Осипович Максак был певцом, имел шикарный тенор, но сорвал голос. После этого он пел русские романсы и песни в кафе-шантанах, и его очень любили купцы. Они бросали горстями золотые монеты в ведро, сверху наливали ледяное шампанское и говорили: «Выпьем – золото твое». Один раз так можно, но много... После этого дед уже на всю жизнь остался хрипатым.

А прославился он тем, что был аккомпаниатором певицы Лидии Руслановой. Для нее он записывал очень много народных песен, играл все ее частушки на саратовских гармошках и работал с ней до тех пор, пока его вместе с Руслановой не посадили. У ее мужа – генерала Крюкова – была роскошная дача, доверху забитая немецкими трофеями. И ей предьявляли обвинения, что она вывезла какой-то уникальный антиквариат.

Дед был гениально одаренный человек в самых разнообразных областях. Он мог сделать все – построить дом, создать музыкальные инструменты: сделал, к примеру, все барабаны для моего дядки, который был ударником... Они с бабушкой к тому же прошли всю революцию. Половину деловой жизни семья кочевала. После ареста его отправили на поселение в Казанстан, в город Джамбул, на десять лет, – тогда это было совершенно пустое место. Они приехали – и будто семья упала в благодатную почву. Дед начал преподавать гармонику, бабушка стала заниматься хозяйством, развела огород, свинок, сама делала сало, колбасы... Пройдя через суровую жизнь, они к властям, правительству привыкли относиться, как к неведомой стихии. И никогда не думали, что им кто-то что-то должен платить – зарплату или пенсию. В результате у них расцвело такое имение, что они нам в Москву прислали посылки – сельские корюхи нас, москвичей, даже накормили нас денег! На первый костюм – к получению паспорта – получили деньги от бабушки с дедушкой.

Первая моя фотография – на фоне классической клубы в Сочи в 1935 году. Мама держит завернутое нечто – я родился в феврале, и мне было тогда месяцев пять. Родители каждый год ездили играть программу для отдыхающих. Я сидел в оркестре, слушая, что играют и что говорят. Родители рассказывали: «Музыка играет – ты спишь. Как только музыка прекращается, ты с ревом просыпашься». Джазисты были очень дружные люди, все как одна семья. Дядя Цфасмана я, естественно, любил больше всех. Но и Утесов, конечно, мне тоже очень нравился.

Когда Цфасман создавал свой джаз, ему нужен был аккордеонист – тогда только осваивался этот инструмент. А отец мой в это время закончил училище при консерватории как пианист, но при этом получил первую премию на Всероссийском конкурсе как баянист. Простая формула: баян + роль = аккордеон. Цфасман вызвал отца к себе в гостиницу поговорить, и вместо того чтобы идти в консерваторию, мой папа стал играть в джазе Цфасмана. Это было перед войной. Позже отец аккомпанировал и понемногу здравствующий Изабелле Юрьевой, прошел фронт со всеми концертными бригадами – скрипачами, балетными. Большим театром. Он перекладывал для аккордеона всю классику, но, как многие русские люди, использовал свой талант на одну десятую. Ему все легко давалось. Знаменитое соло на аккордеоне в

Леонид Воронцов

ПОТОМСТВЕННЫЙ АККОМПАНИАТОР

Геннадию Гладкову жену сосватал Василий Ливанов – и не ошибся

танго «Утомленное солнце», которое сейчас все время заводит как символ того ушедшего времени, – так вот его играет мой папа. Мне это всегда греет душу...

Впрочем, поскольку папа был по образованию классическим музыкантом, то дома он всегда играл свои любимые произведения Шопена, Рахманинова. В доме у нас всегда была живая музыка.

Характер отца отчасти передавался мне. Он, с одной стороны, был очень открытый, с другой – близко к себе допускал очень немногих. Круг знакомых был огромный, потому что его все знали – как аккомпаниатор он переезжал почти во всех концертных. Но к нам в гости ходило далеко не все – немногие актеры и ученики.

К сожалению, семья моих родителей распалась. Отец очень много бывал на гастролях, работал в театре, а после войны был оставлен в Германии, куда матери не разрешили поехать. Может быть, поэтому они и расстались – ведь когда мужчина и женщина в 30 лет полуду не живут вместе, это к добру не приводит.

Сватовство гусара

В ШКОЛЕ у меня была, что называется, «своя» компания – Василий Ливанов, Дмитрий Урнов, который сейчас живет в Америке и читает там лекции по литературе, и я. У нас был культ Генна Давыдов, русские романсы, гусарство как стиль поведения. Мы обязательно дарили девушкам цветы, угощали шампанским на последнюю студенческую копейку. Над нами смеялись – мол, мы так красиво за девушками ухаживаем, что им этого и достаточно.

Может быть, это было связано с тем, что тогда учились раздельно: мы – в мужской школе, а соседняя школа была женская. Конечно, мы все были несколько заката. И ухаживанием отлаживали все проблемы, связанные с близкими взрослыми отношениями, оставалась только платоническая любовь. Главное для нас было – чтобы красивые девушки сидели за столом, а мы бы пели им изысканные романсы. Мы никогда не пели совет-

ских песен, только романсы и старинные русские песни: те, что пел мой дедушка, что родители вспоминали – какие-то пылкие или французские шансонетки.

Мне было двадцать лет, когда я поступил в музыкальное училище при консерватории. Из-за того, что я умел играть на аккордеоне, меня радостно отправили в агитбригаду. Ездил по подмосковной глуши – далеко, на лыжах перебирались из одного заснеженного поселка в другой, где нас отогревали и кормили, а мы давали концерты. Ночевали в избе, если что попало и двигались дальше. Любим было очень приятно – они жили на таком отшибе, что зимой там можно было умереть со скуки.

Всем этим руководил наш физрук, некоторым образом ставший моим сватом. В этой бригаде мы с женой и познакомились. Она училась на дирижерско-хоровом отделении, очень хорошо пела. Всю учебу мы с ней прошли вместе и, окончив училище, в 1959 году поженились. В этом году было 40-летие нашей свадьбы.

У нас был еще один сват – Василий Ливанов. В нашей мужской компании, если девочка всем не нравилась, то ей не находилось места, ее не принимали. Когда появлялся кто-то новый, то его обязательно «экзаменовали». У нас не терпели глупости, хамства, бестактности, наглости, фанфаронства. Моя будущая жена прошла эту комиссию. Она спела романс «Не прождай воспоминаний», и Ливанов даже слезу пролил. Теперь, когда ему плохо на душе, он всегда просит ее спеть любимый романс...

Чтобы не растерять любви и уважения, есть несколько секретов. Во-первых, у нас были очень похожие семьи. У нас отец кинорежиссер, мама окончила ВГИК и сначала снималась в кино, но потом стала домохозяйкой – так же, как и моя мама. Отцы наши быстро подружился – были очень похожи по характеру... Мы довольно трудно друг к другу притирались, были и скандалы, и непонимание. Но было четкое разделение: когда я учился в консерватории, жена работала и

ташила на себе все. Когда я стал зарабатывать, то сказал: «Все, хватит, теперь ты – дома». И она перешла на другой образ жизни.

У нас умер первый ребенок, это была большая трагедия... Если в семье происходит такие вот страшные вещи, после них можно либо разойтись – и мы были на этой грани, – либо наоборот укрепиться. Поскольку у нас довольно быстро родился второй ребенок, то мы прошли это все...

Очень трудно жили, мы оба даже по гороскопу трудно соединяемые – она Стрелец, а я Володец. Но важнее всего оказалось то, что моя жена – необыкновенно верный и честный человек. Что угодно могло произойти, но чтобы моя жена меня предала – это категорически исключено. Она могла только мучиться.

Она очень много перенесла. Ради семьи она все делала своими руками – шила, готовила, выспетывала сына... А у меня были то банкеты, то премьеры, то поэзии, в доме без конца народ... Правда, она тоже веселилась – была молодой и очень заводная, пела прекрасно. Но эта сумасшедшая жизнь – по двадцать человек актеров налетают вечером, а потом я ухожу в себя. Когда у нас в жизни был критический рубеж, я ей сказал: «Ты имешь полное право послать меня к черту и уйти. У меня не будет никаких претензий. Только я тебя прошу: если у тебя есть еще какое-то чувство, останься. Мне будет так плохо! Ты можешь меня спасти!» Русская женщина, если от нее так человек зависит, не может его бросить. Она все это выдержала, и я ей страшно благодарен.

А из молодых – я познакомился недавно с Кортневым. Он очень симпатичен, культурен, мил, у него роскошный голос и тембр. Его хулиганские песни с группой «Несчастный случай» оригинальны и здорово заводят. И в них совершенно отсутствует пошлость.

Самые музыкальные из женщин-актрис, с которыми я общался, это Людмила Гурченко и блистательная Алиса Фрейндлих.

Ведь постепенно остывает молодая горячая влюбленность, и если человека не уважаешь как личность, то ничего не выйдет. Вот теперь у нас обоих уже болячки всякие, но у нее удивительная молодая душа. К старости остаются только глубокие чувства, а все остальное оказывается прахом.

Мои певцы – мое богатство

ДЛЯ ТОГО чтобы стоять на сцене тихо и взять зал, нужно иметь внутреннюю мощь и большой талант. И если говорить о камерном жанре, то здесь нет, конечно, равных Лене Камбуровой, которая так замечательно исполняет тонкие романсы.

Больше всех я люблю поющих актеров, а их осталось очень мало – Коля Караченцов, Михаил Боярский – первый исполнитель роли Трубадура в «Бременских музыкантах».

Андрюша Миронов был прекрасен... Он пел во многих моих фильмах, я часто бывал на его концертах. С ним было замечательно работать. Мы учились в одной школе, но он был младше меня. Слушателем он был потрясающим – собирал пластинки, изучал чужие манеры пения. Музыку обожал и болезненно чувствовал свои недостатки. У него было отличное чувство ритма, двигался он тоже прекрасно, а слух был не совсем точный. Андрей был образцом того, как человек добивается в профессии идеала, даже если ему не все дано от природы. Он так вкалывал! Можно сказать, что он выше головы прыгал в этом жанре.

В молодости, конечно, хотелось признания. А сейчас я лишен тщеславия – мне не надо телевидения, нигде не хочу выступать. И так уже некуда лезть: от бесконечных помоев посятаны: похабный сленг, развратность, перелеты в женщин мужичины. Наверное, в принципе, у нас хватает умных людей, но телевидению почему-то они не нужны. Я могу только его выключить и почитать книгу. Сейчас перечитываю «Окаянные дни» Бунина. Он, конечно, очень талантливый, но такой злой... Его деревенские рассказы просто будто кожу сдирают. Бесконечно перечитываю Гофмана... Мои любимые – это Гоголь, Лесков, Гофман, Платонов. Эти книги всегда со мной. Когда-то очень любил Хемингуэя. А так... Вся эта постмодернистская литература мне не интересна.

Наш сын – художник-компьютерщик, дизайнер, график, делает всюкую рекламу, проспекты, журналы, газеты. Записывает со мной музыку. Он очень музыкально одаренный человек, но почти этого не использует. А я компьютерами совсем не пользуюсь, пытаюсь – но это уже не мой век. Я к ним отношусь несколько мистически: на них лежит какая-то печать дьявола... Стоит электричество вырубить – и что будет с этой музыкой? Раньше был более узкий фронт искусств, и занимались этим только профессионалы. Ты написал песню, приносишь ее, и специальная комиссия дает оценку или не очень. Если песня была совершенно новой и оригинальной, то автору шли полные отчисления. Если на 50% придумания, а остальное – заимствовано, то платили чуть меньше, а ниже – то и вовсе могли отка-

зались в моей голове. В 65 лет умер отец моей жены, достаточно крепкий мужчина. Мой отец умер в 70. Надо эту установку менять, а то мало ли что. А вся истерия, связанная с этой датой, это, конечно, ерунда.

Когда молодой был, много гулял по Москве с друзьями и девушками. Сейчас не погуляешь – вонюха от автомобилей страшная всюду. Каждый раз, оказываясь в городе, я считаю часы до отъезда на дачу. Там у меня газ, электричество и две настоящие печки. Одна русская, шикарная, с плитой, прошла большую проверку – первые два года мы готовили только на печках. А у меня в кабинете – печка-голландка, которая быстро греет. На Новый год всегда смотрим на огонь... И этот Новый год буду обязательно справлять на даче.

Я к самому себе спокойно отношусь. Надо мной всегда смеялся покойный режиссер-мультипликатор Роман Качанов, который снимал «Крокодила Гену» и вообще весь сериал по Успенскому: «Этот композитор всегда напевает или насвистывает чужую музыку».

Мне действительно очень нравится чужая музыка. Я люблю Дашкевича, Рыбникова, Артемьева, слушаю их с восторгом. Я слушаю все – и классику, и эстраду.

В молодости, конечно, хотелось признания. А сейчас я лишен тщеславия – мне не надо телевидения, нигде не хочу выступать. И так уже некуда лезть: от бесконечных помоев посятаны: похабный сленг, развратность, перелеты в женщин мужичины. Наверное, в принципе, у нас хватает умных людей, но телевидению почему-то они не нужны. Я могу только его выключить и почитать книгу. Сейчас перечитываю «Окаянные дни» Бунина. Он, конечно, очень талантливый, но такой злой... Его деревенские рассказы просто будто кожу сдирают. Бесконечно перечитываю Гофмана... Мои любимые – это Гоголь, Лесков, Гофман, Платонов. Эти книги всегда со мной. Когда-то очень любил Хемингуэя. А так... Вся эта постмодернистская литература мне не интересна.

Наш сын – художник-компьютерщик, дизайнер, график, делает всюкую рекламу, проспекты, журналы, газеты. Записывает со мной музыку. Он очень музыкально одаренный человек, но почти этого не использует. А я компьютерами совсем не пользуюсь, пытаюсь – но это уже не мой век. Я к ним отношусь несколько мистически: на них лежит какая-то печать дьявола... Стоит электричество вырубить – и что будет с этой музыкой? Раньше был более узкий фронт искусств, и занимались этим только профессионалы. Ты написал песню, приносишь ее, и специальная комиссия дает оценку или не очень. Если песня была совершенно новой и оригинальной, то автору шли полные отчисления. Если на 50% придумания, а остальное – заимствовано, то платили чуть меньше, а ниже – то и вовсе могли отка-

зались в моей голове. В 65 лет умер отец моей жены, достаточно крепкий мужчина. Мой отец умер в 70. Надо эту установку менять, а то мало ли что. А вся истерия, связанная с этой датой, это, конечно, ерунда.

Когда молодой был, много гулял по Москве с друзьями и девушками. Сейчас не погуляешь – вонюха от автомобилей страшная всюду. Каждый раз, оказываясь в городе, я считаю часы до отъезда на дачу. Там у меня газ, электричество и две настоящие печки. Одна русская, шикарная, с плитой, прошла большую проверку – первые два года мы готовили только на печках. А у меня в кабинете – печка-голландка, которая быстро греет. На Новый год всегда смотрим на огонь... И этот Новый год буду обязательно справлять на даче.

Я к самому себе спокойно отношусь. Надо мной всегда смеялся покойный режиссер-мультипликатор Роман Качанов, который снимал «Крокодила Гену» и вообще весь сериал по Успенскому: «Этот композитор всегда напевает или насвистывает чужую музыку».

Мне действительно очень нравится чужая музыка. Я люблю Дашкевича, Рыбникова, Артемьева, слушаю их с восторгом. Я слушаю все – и классику, и эстраду.

В молодости, конечно, хотелось признания. А сейчас я лишен тщеславия – мне не надо телевидения, нигде не хочу выступать. И так уже некуда лезть: от бесконечных помоев посятаны: похабный сленг, развратность, перелеты в женщин мужичины. Наверное, в принципе, у нас хватает умных людей, но телевидению почему-то они не нужны. Я могу только его выключить и почитать книгу. Сейчас перечитываю «Окаянные дни» Бунина. Он, конечно, очень талантливый, но такой злой... Его деревенские рассказы просто будто кожу сдирают. Бесконечно перечитываю Гофмана... Мои любимые – это Гоголь, Лесков, Гофман, Платонов. Эти книги всегда со мной. Когда-то очень любил Хемингуэя. А так... Вся эта постмодернистская литература мне не интересна.

Наш сын – художник-компьютерщик, дизайнер, график, делает всюкую рекламу, проспекты, журналы, газеты. Записывает со мной музыку. Он очень музыкально одаренный человек, но почти этого не использует. А я компьютерами совсем не пользуюсь, пытаюсь – но это уже не мой век. Я к ним отношусь несколько мистически: на них лежит какая-то печать дьявола... Стоит электричество вырубить – и что будет с этой музыкой? Раньше был более узкий фронт искусств, и занимались этим только профессионалы. Ты написал песню, приносишь ее, и специальная комиссия дает оценку или не очень. Если песня была совершенно новой и оригинальной, то автору шли полные отчисления. Если на 50% придумания, а остальное – заимствовано, то платили чуть меньше, а ниже – то и вовсе могли отка-

зались в моей голове. В 65 лет умер отец моей жены, достаточно крепкий мужчина. Мой отец умер в 70. Надо эту установку менять, а то мало ли что. А вся истерия, связанная с этой датой, это, конечно, ерунда.

зались в моей голове. В 65 лет умер отец моей жены, достаточно крепкий мужчина. Мой отец умер в 70. Надо эту установку менять, а то мало ли что. А вся истерия, связанная с этой датой, это, конечно, ерунда.

Когда молодой был, много гулял по Москве с друзьями и девушками. Сейчас не погуляешь – вонюха от автомобилей страшная всюду. Каждый раз, оказываясь в городе, я считаю часы до отъезда на дачу. Там у меня газ, электричество и две настоящие печки. Одна русская, шикарная, с плитой, прошла большую проверку – первые два года мы готовили только на печках. А у меня в кабинете – печка-голландка, которая быстро греет. На Новый год всегда смотрим на огонь... И этот Новый год буду обязательно справлять на даче.

Я к самому себе спокойно отношусь. Надо мной всегда смеялся покойный режиссер-мультипликатор Роман Качанов, который снимал «Крокодила Гену» и вообще весь сериал по Успенскому: «Этот композитор всегда напевает или насвистывает чужую музыку».

Мне действительно очень нравится чужая музыка. Я люблю Дашкевича, Рыбникова, Артемьева, слушаю их с восторгом. Я слушаю все – и классику, и эстраду.

В молодости, конечно, хотелось признания. А сейчас я лишен тщеславия – мне не надо телевидения, нигде не хочу выступать. И так уже некуда лезть: от бесконечных помоев посятаны: похабный сленг, развратность, перелеты в женщин мужичины. Наверное, в принципе, у нас хватает умных людей, но телевидению почему-то они не нужны. Я могу только его выключить и почитать книгу. Сейчас перечитываю «Окаянные дни» Бунина. Он, конечно, очень талантливый, но такой злой... Его деревенские рассказы просто будто кожу сдирают. Бесконечно перечитываю Гофмана... Мои любимые – это Гоголь, Лесков, Гофман, Платонов. Эти книги всегда со мной. Когда-то очень любил Хемингуэя. А так... Вся эта постмодернистская литература мне не интересна.

Наш сын – художник-компьютерщик, дизайнер, график, делает всюкую рекламу, проспекты, журналы, газеты. Записывает со мной музыку. Он очень музыкально одаренный человек, но почти этого не использует. А я компьютерами совсем не пользуюсь, пытаюсь – но это уже не мой век. Я к ним отношусь несколько мистически: на них лежит какая-то печать дьявола... Стоит электричество вырубить – и что будет с этой музыкой? Раньше был более узкий фронт искусств, и занимались этим только профессионалы. Ты написал песню, приносишь ее, и специальная комиссия дает оценку или не очень. Если песня была совершенно новой и оригинальной, то автору шли полные отчисления. Если на 50% придумания, а остальное – заимствовано, то платили чуть меньше, а ниже – то и вовсе могли отка-

зались в моей голове. В 65 лет умер отец моей жены, достаточно крепкий мужчина. Мой отец умер в 70. Надо эту установку менять, а то мало ли что. А вся истерия, связанная с этой датой, это, конечно, ерунда.

Когда молодой был, много гулял по Москве с друзьями и девушками. Сейчас не погуляешь – вонюха от автомобилей страшная всюду. Каждый раз, оказываясь в городе, я считаю часы до отъезда на дачу. Там у меня газ, электричество и две настоящие печки. Одна русская, шикарная, с плитой, прошла большую проверку – первые два года мы готовили только на печках. А у меня в кабинете – печка-голландка, которая быстро греет. На Новый год всегда смотрим на огонь... И этот Новый год буду обязательно справлять на даче.

Я к самому себе спокойно отношусь. Надо мной всегда смеялся покойный режиссер-мультипликатор Роман Качанов, который снимал «Крокодила Гену» и вообще весь сериал по Успенскому: «Этот композитор всегда напевает или насвистывает чужую музыку».

Мне действительно очень нравится чужая музыка. Я люблю Дашкевича, Рыбникова, Артемьева, слушаю их с восторгом. Я слушаю все – и классику, и эстраду.

В молодости, конечно, хотелось признания. А сейчас я лишен тщеславия – мне не надо телевидения, нигде не хочу выступать. И так уже некуда лезть: от бесконечных помоев посятаны: похабный сленг, развратность, перелеты в женщин мужичины. Наверное, в принципе, у нас хватает умных людей, но телевидению почему-то они не нужны. Я могу только его выключить и почитать книгу. Сейчас перечитываю «Окаянные дни» Бунина. Он, конечно, очень талантливый, но такой злой... Его деревенские рассказы просто будто кожу сдирают. Бесконечно перечитываю Гофмана... Мои любимые – это Гоголь, Лесков, Гофман, Платонов. Эти книги всегда со мной. Когда-то очень любил Хемингуэя. А так... Вся эта постмодернистская литература мне не интересна.

Наш сын – художник-компьютерщик, дизайнер, график, делает всюкую рекламу, проспекты, журналы, газеты. Записывает со мной музыку. Он очень музыкально одаренный человек, но почти этого не использует. А я компьютерами совсем не пользуюсь, пытаюсь – но это уже не мой век. Я к ним отношусь несколько мистически: на них лежит какая-то печать дьявола... Стоит электричество вырубить – и что будет с этой музыкой? Раньше был более узкий фронт искусств, и занимались этим только профессионалы. Ты написал песню, приносишь ее, и специальная комиссия дает оценку или не очень. Если песня была совершенно новой и оригинальной, то автору шли полные отчисления. Если на 50% придумания, а остальное – заимствовано, то платили чуть меньше, а ниже – то и вовсе могли отка-

зались в моей голове. В 65 лет умер отец моей жены, достаточно крепкий мужчина. Мой отец умер в 70. Надо эту установку менять, а то мало ли что. А вся истерия, связанная с этой датой, это, конечно, ерунда.

Когда молодой был, много гулял по Москве с друзьями и девушками. Сейчас не погуляешь – вонюха от автомобилей страшная всюду. Каждый раз, оказываясь в городе, я считаю часы до отъезда на дачу. Там у меня газ, электричество и две настоящие печки. Одна русская, шикарная, с плитой, прошла большую проверку – первые два года мы готовили только на печках. А у меня в кабинете – печка-голландка, которая быстро греет. На Новый год всегда смотрим на огонь... И этот Новый год буду обязательно справлять на даче.

Я к самому себе спокойно отношусь. Надо мной всегда смеялся покойный режиссер-мультипликатор Роман Качанов, который снимал «Крокодила Гену» и вообще весь сериал по Успенскому: «Этот композитор всегда напевает или насвистывает чужую музыку».

Мне действительно очень нравится чужая музыка. Я люблю Дашкевича, Рыбникова, Артемьева, слушаю их с восторгом. Я слушаю все – и классику, и эстраду.

В молодости, конечно, хотелось признания. А сейчас я лишен тщеславия – мне не надо телевидения, нигде не хочу выступать. И так уже некуда лезть: от бесконечных помоев посятаны: похабный сленг, развратность, перелеты в женщин мужичины. Наверное, в принципе, у нас хватает умных людей, но телевидению почему-то они не нужны. Я могу только его выключить и почитать книгу. Сейчас перечитываю «Окаянные дни» Бунина. Он, конечно, очень талантливый, но такой злой... Его деревенские рассказы просто будто кожу сдирают. Бесконечно перечитываю Гофмана... Мои любимые – это Гоголь, Лесков, Гофман, Платонов. Эти книги всегда со мной. Когда-то очень любил Хемингуэя. А так... Вся эта постмодернистская литература мне не интересна.

Знаете ли вы, кто такой царевич Комсаль?

Если нет, то приходите на новогоднее представление «Елка у Филлимона», организованное фондом «Горьжана», Комитетом общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы и «Общей газетой».

Вас ждет встреча с мастером Филлимоном и феей Огушей, хитрым котом и добродушным Драконом. А также конкурсы, новогодняя лотерея и много-много сюрпризов.

«Елка у Филлимона» будет проходить с 25 по 30 декабря в «Доме сказочников» (Центральный Дом Литераторов).

Справки по телефону: 249-41-78 и 249-90-66

Новинки Издательства «ЭКСМО»

«Японская любовная лирика»

Японская любовная лирика – удивительный мир человеческих чувств. Это не просто литературный жанр – танка, это сама жизнь, выраженная романтическими образами, доведенными до совершенства. Все, что созвучно вашему сердцу, вы найдете в этих стихах. Это издание содержит новые переводы и подробнейшие историко-биографические справки о каждом из представленных авторов, лучших поэтов древней Японии. Оригинальные миниатюры XVI – XVII веков – помогут любителям высокого искусства так же в полной мере насладиться красотой и совершенством слога.

«Эротикон: Русская эротическая поэзия и проза».

Озаренная пылким гением Пушкина тема Эроса ворвалась в русскую литературу, чтобы остаться в ней навсегда. Эта книга собрал воедино творения мастеров слова как «золотого» и «серебряного» веков, так и наших современников. Ее страницы подарят вам многообразие ощущений и переживаний, без которых немислима жизнь. Многие из вошедших в сборник «Эротикон» произведений не публиковались очень давно, но звучат они так молодо и современно, словно были написаны только вчера.

С. Кьеркегор. «Дневник обольстителя»

Эта книга – великолепный подарок для истинных знатоков философии и ценителей изящного слога писателей XIX века. Труд одного из них – блестящего теолога, иррационалиста, оппонента самого Гегеля – Серена Кьеркегора ошеломил новизной путей развития личности. Поистине гениальный научный потенциал автора, его суждения об этике и эстетике оказали серьезное влияние не только на экзистенциализм, но и на диалектическую теологию и датскую литературу в целом, а его творческое дарование и по сей день дарит читателям поистине воспитательные минуты.

А. Ильичев. «Энциклопедия выживания»

Эта замечательная книга содержит основные знания по самосохранению человека в различных экстремальных ситуациях. Автор сознательно не придерживается академического стиля, излагает материал доступно и увлекательно, поскольку сам был руководителем множества экспедиций, участником научных экспериментов по выживаемости человека.

Если вам понравились эти или другие издания Издательства «ЭКСМО», вы можете заказать их по адресу: Москва, 101000, а/я 333, Книжный Клуб ЭКСМО.

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати
РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается
по согласованию с редакцией,
ссылка на «ОГ» обязательна
Право издание газеты осуществляет
Адвокатское бюро «Резник, Тагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЫКОВ
Отдел рекламы: Валерия КАМЕНКО
© Общая газета. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью:
Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛЮХИНА
Тел.: 915-70-40

Верстка компьютерного центра
«Общая газета»
Технический директор
Валерий МАКАРОВ
Стиль жизни и рынок публицистики
пресс-релизы, информационно-
маркетинговые стратегии.
Редакция не несет ответственности
за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – 288168 экз. (региональный – 212000 экз.)
Цена свободная
Розничное распространение в Московском метрополитене –
агентство «МЕТРОПРЕСС»
в С.-Петербургском метрополитене –
ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1»,
125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 22.12.99 г.
Заказ 3052.
МЕТРОПРЕСС
Наш подписной индекс: 32138